

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ФУНКЦИЙ В ОТПУСКЕ ПО УХОДУ ЗА РЕБЁНКОМ: ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

А. В. Нешатаев^а, Н. Д. Бледнова^а, А. П. Багирова^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В последние десятилетия в России наблюдается устойчивое снижение рождаемости, несмотря на внедрение новых экономических мер, направленных на поддержку семей с детьми. По мнению исследователей, негативные репродуктивные установки могут быть обусловлены вероятностью возникновения конфликта между семьей и работой, с которым сталкиваются семьи после рождения ребенка. Одной из мер российской демографической политики, направленной на смягчение этого конфликта, может стать регулирование отпусков по уходу за ребенком. Несмотря на то, что российское трудовое законодательство позволяет использовать отпуск по уходу за ребенком не только матери, но и отцу или другому родственнику ребенка, этим правом чаще всего пользуются именно матери. Продолжительное отсутствие на рынке труда может провоцировать трудности, с которыми сталкиваются женщины при возвращении на работу. В результате у родителей возникает потребность в делегировании родительских функций другим субъектам – бабушкам и дедушкам, дядям и тетям, няням или бебиситтерам. Цель исследования заключается в определении возможностей трансформации системы родительских отпусков как меры демографической политики на основе социологических оценок делегирования родительских функций неродителям в период отпуска по уходу за ребенком.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования послужил опрос родителей, чьи семьи на момент исследования обладали правом на отпуск по уходу за ребенком. Опрошено 1000 человек, проживающих в разных федеральных округах России.

Результаты. Выявлено слабое участие других субъектов в реализации родительских функций до достижения ребенком возраста 1,5 лет при наличии потребности в увеличении нагрузки бабушек и дедушек в этот период. Кроме того, прослеживается необходимость в делегировании части хозяйственно-бытовых функций няням и другим родственникам ребенка.

Обсуждение. Нивелированию конфликта между семьей и работой среди работающих родителей может способствовать сразу несколько инструментов – стимулирование более активного участия неродителей в процессе ухода за детьми (например, внедрение декретных отпусков для неработающих бабушек и дедушек или материальная компенсация их затрат, связанных с уходом за детьми); возможность использования отпуска по уходу за ребенком двумя членами семьи одновременно при условии уменьшения продолжительности отпуска; активная работа с населением, направленная на информирование о существующих мерах поддержки семей с детьми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отпуск по уходу за ребенком, родительский труд, субъекты родительского труда, родственники, бабушки и дедушки, няни, конфликт «семья-работа», семейная политика, демографическая политика.



БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01847 (<https://rscf.ru/project/22-28-01847>).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нешатаев А. В., Бледнова Н. Д., Багирова А. П. Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 4. С. 54-67. EDN YIRHEV. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67.

■ ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия демографическая ситуация в России характеризуется рядом негативных тенденций – повышением среднего возраста рождения детей, сокращением уровня рождаемости, распространением социальных норм малодетности и бездетности. Негативные репродуктивные установки могут быть обусловлены необходимостью одновременного совмещения женщинами родительских и профессиональных функций. После рождения детей матери могут сталкиваться с так называемыми «motherhood penalties» (дословно – «наказание за материнство») – снижением уровня дохода, трудовой дискриминацией по признаку семейного положения, высоким уровнем физического и эмоционального напряжения [1, с. 1288]. Потенциальные издержки, связанные с материнством, зачастую приводят к тому, что молодые девушки отдают предпочтение профессионально-образовательной жизненной стратегии, нежели деторождению. По этой причине поиск новых механизмов государственной демографической политики, способных смягчить конфликт между семьей и работой, становится особенно актуальным.

В качестве одного из таких инструментов может рассматриваться отпуск по уходу за ребенком, призванный обеспечить сохранение рабочего места и заработной платы за сотрудником, который вынужден сделать перерыв в работе, чтобы уделить время семье и детям. Регулирование отпуска по уходу за ребенком потенциально является одной из административно-организационных мер демографической политики, которым в нашей стране пока уделяется гораздо меньше внимания, нежели мерам материального характера. Между тем потенциал государственного регулирования отпуска по уходу за ребенком, как меры демографической политики (и всей системы родительских отпусков), представляется достаточно широким – от повышения гибкости отпусков до изменения их продолжительности. Гибкость может, например, предполагать возможность выбора времени отпуска, совме-

щения отпуска, взятого разными членами семьи, вариации выбора между продолжительностью отпуска и суммой пособий и т.д.

Несмотря на то, что в России правом на отпуск по уходу за ребенком, согласно трудовому законодательству, может воспользоваться не только мать, но и отец или другой родственник ребенка, чаще всего этим правом пользуется именно женщина. Круг родственников, которые обладают потенциальным правом на родительский отпуск, ограничен: воспользоваться отпуском могут лишь трудоустроенные родственники. Исключение матерей из профессиональной среды на продолжительное время может провоцировать ряд проблем, с которыми сталкиваются после выхода из декретного отпуска прежде всего женщины – трудности адаптации на рабочем месте, ухудшение отношений с работодателем, вероятность понижения уровня заработка [2, с. 162].

В условиях конкурентного рынка труда женщины вынуждены возвращаться к работе, не используя отпуск в полной мере, а значит, жертвовать частью своего времени, предназначенного для семьи и детей, ради выполнения профессиональных задач и демонстрации собственной ценности как сотрудника. При этом, несмотря на активную занятость на рынке труда, женщины по-прежнему продолжают выполнять основной объем домашней нагрузки [3, с. 51].

Многие страны в рамках государственного регулирования семейно-демографической сферы повышают гибкость системы отпусков. Так, предпринимаются меры, направленные на повышение вовлеченности отцов в процесс воспитания детей. Например, в 1993 г. в Норвегии была впервые введена так называемая «отцовская квота» (*daddy quota*) – период во время родительского отпуска, предназначенный исключительно для отцов [4, с. 190]. Чуть позже эту практику переняли другие скандинавские страны: Швеция, Исландия и Финляндия. Особенность отцовской квоты заключается в невозможности ее делегирования матери ребенка. В случае неиспользования отцовской квоты семья теряет

не только дни отпуска, но и родительские пособия, которые выплачиваются в этот период. В ряде стран, помимо отцовских квот, существуют отцовские отпуска – отдельный вид родительского отпуска, которым может воспользоваться отец после рождения ребенка. Такие отпуска есть во многих странах Европы, например, во Франции, Болгарии, Испании, Эстонии, Греции, Италии и пр. [5]. Считается, что отцовские отпуска являются одним из действенных инструментов формирования гендерного равенства. По мнению исследователей, вовлечение отцов в реализацию домашних и родительских обязанностей оказывает положительное влияние не только на матерей и детей, но и на самих отцов: у них повышается уровень родительской ответственности и формируется позитивное отношение к семье [6, с. 29].

Консервативные установки относительно роли мужчины и женщины в семье ограничивают возможности реформирования семейной политики и системы родительских отпусков¹. В России, однако, эти установки по-прежнему сильны – традиционные семейные ценности транслируются на уровне права и культуры [7, с. 123]. Как правило, в отечественной культуре мужчинам отводится роль хозяина и добытчика, а женщинам – роль матери и домохозяйки. Из-за привычного убеждения в том, что матери лучше справляются с родительскими обязанностями, многие женщины сами ограничивают участие отцов в воспитании детей [8, с. 127]. Кроме того, многие отцовские сообщества продвигают модели поведения, основанные на традиционном распределении ролей [9, с. 50].

Существует и другая точка зрения. Как отмечают исследователи, традиционные гендерные установки относительно роли мужчины и женщины постепенно уходят в прошлое – наступающая информационно-технологическая эпоха характеризуется распространением эгалитарных взглядов на организацию семейно-брачных отношений [10, с. 184]. Сегодня молодые девушки чаще всего не готовы принять на себя однозначную роль матери и домохозяйки. Более того, они ожидают от мужчин ответственного и равного участия в осуществлении домашних и родительских функций [11, с. 12].

Гендерный дисбаланс в распределении домашних и родительских обязанностей между супругами приводит к повышению уровня конфликта «семья-работа» среди женщин. Поскольку конфликт носит деструктивный характер, женщины могут сталкиваться с рядом негативных последствий – ухудшением морального и физического состояния, повышением уровня родительской напряженности, снижением работоспособности и пр. [12, с. 212]. Двойная занятость провоцирует нехватку временных и физических ресурсов. Поскольку снижение профессиональной нагрузки не всегда представляется возможным, у женщин возникает потребность в высвобождении времени, затрачиваемого на реализацию домашних и родительских функций [13, с. 255]. По этой причине матери, занятые на рынке труда, могут делегировать свои родительские обязанности другим субъектам.

Родительские функции могут быть реализованы субъектами, не являющимися родителями ребенка – например, суррогатными матерями, приемными родителями, бабушками и дедушками, работниками, занятыми в сфере обеспечения ухода и воспитания детей [14, с. 294]. С. В. Черешова выделяет ключевые мотивы участия субъектов делегированного родительского труда в уходе за детьми. Среди них – любовь, общественной долг, личный долг, изменение социального статуса, материальная выгода, компенсация нереализованных амбиций [15, с. 137]. Е. В. Сивак отмечает, что предпосылки для роста спроса на услуги ухода за детьми внесемейными субъектами родительского труда формируются особенностями современного материнства. «Компетентность» родителя определяется объемами временных и финансовых инвестиций в воспитание детей – в результате для поддержания своего имиджа родитель делегирует свои родительские функции няням и беби-ситтерам [16, с. 304]. М. А. Романовская выделяет несколько причин передачи части родительских функций няням и воспитателям. В частности, к ним относятся желание матерей продолжать карьеру, ожидание успехов ребенка, игнорирование собственных детей и полное нежелание выполнять свои родительские функции [17, с. 49]. По мнению М. М. Пшеничниковой, делегирование родительских функций может способствовать получению более качественного результата родительского труда [18, с. 27].

¹ Dohotariu, A. (2015). Family policies, gendered norms, and cultural meanings in post-communist Romania. *Analele Universității București, Științe Politice*, 17(1), 119–137.

Зарубежные исследования, посвященные участию неродителей в уходе за детьми, показывают, что привлечение воспитателей и нянь к осуществлению родительского труда улучшает когнитивно-лингвистические показатели ребенка в течение первых трех лет его жизни [19, с. 100]. Дети, которые находятся под присмотром лиц, оказывающих услуги по уходу за детьми, обладают более развитыми навыками взаимодействия со сверстниками [20, с. 271]. Кроме того, дети, которые посещают детские центры и иные специализированные учреждения по уходу за детьми, в меньшей степени склонны к ожирению [21].

Несмотря на активное развитие услуг по уходу за детьми, бабушки и дедушки остаются наиболее востребованными субъектами делегированного родительского труда. Бабушки и дедушки участвуют в процессе воспитания внуков, оказывают им эмоциональную и финансовую поддержку, организуют их досуг, занимаются их образованием и передают свой жизненный опыт [22, с. 875]. Помощь бабушек и дедушек освобождает родителей от необходимости обращаться к няням и бебиситтерам, оберегая их от дополнительных финансовых трат [23, с. 799]. Кроме того, вовлечение дедушек и бабушек в родительский труд позволяет матерям активнее участвовать в профессиональной сфере [24, с. 234].

Отметим, что ближайшие родственники, в том числе бабушки и дедушки ребенка, не всегда являются наиболее предпочтительными субъектами делегированного родительского труда для самих родителей. Исследование Я. Я. Козминой продемонстрировало, что каждая четвертая мать ограничивает времяпровождение детей с родственниками по причине разногласий, связанных с вопросами воспитания детей [25, с. 77]. Е. А. Здравомыслова отмечает, что молодые родители предпочитают пользоваться услугами нянь, поскольку выполняемая бабушками и дедушками домашняя работа способствует усилению власти старшего поколения в семье – молодые семьи стремятся этого избежать [26, с. 131].

Несмотря на существование ряда исследований, посвященных участию различных субъектов родительского труда и мотивам его делегирования неродителям, вопрос их участия в процессе воспитания детей в период родительских отпусков остается неизученным.

Цель нашего исследования заключается в определении степени вовлеченности неродителей (бабушек, дедушек, дядь, тетей, других родственников, няни и других работников, занятых в сфере обеспечения ухода и воспитания детей) в процесс ухода за детьми в период отпуска по уходу за ребенком для выявления возможностей трансформации российской системы родительских отпусков.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирической базой исследования послужил опрос родителей, проведенный в мае–июне 2022 г. Были опрошены респонденты, чьи семьи на момент проведения исследования обладали правом на отпуск по уходу за ребенком. Размер выборочной совокупности составил 1000 человек. Квоты были установлены пропорционально численности населения в федеральных округах РФ (табл. 1).

Для опроса мы воспользовались возможностями онлайн-панелей, которые реализуют целый ряд процедур для повышения надежности собираемых данных (анализ времени заполнения анкет, исключение противоречивости ответов в логически связанных вопросах, анализ ответов на вопросы-ловушки, оценка линейности заполнения табличных вопросов и др.).

Исследовательские вопросы работы таковы:

1. Кто из членов семьи чаще всего использует отпуск по уходу за ребенком?
2. Как выглядит распределение домашней и родительской нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
3. Как выглядит идеальное распределение домашней и родительской нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
4. Каков уровень удовлетворенности российских родителей распределением нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком?
5. Какие функции осуществляются преимущественно неродителями в период отпуска по уходу за ребенком?
6. Каковы различия между реальным и идеальным распределением функций, осуществляемых преимущественно неродителями в период отпуска по уходу за ребенком?
7. Каково отношение родителей к делегированию части родительского труда неродителям – бабушкам и дедушкам, няням и бебиситтерам?

Таблица 1 — Распределение квот выборочной совокупности

Table 1 — Sample quota distribution

Федеральный округ	Кол-во респондентов, чел.	Доля, %
Центральный	269	27
Северо-Западный	96	10
Южный	113	11
Северо-Кавказский	69	7
Приволжский	198	20
Уральский	84	8
Сибирский	115	12
Дальневосточный	56	6
Всего	1000	100

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В подавляющем большинстве случаев отпуск по уходу за ребенком используется матерью ребенка (96,7 %) среди опрошенных респондентов. Такое распределение наглядно иллюстрирует факт, что использование отпуска по уходу за ребенком в России является прерогативой матери. Среди крайне редко фигурирующих в ответах иных родственников упоминались только бабушки по материнской линии. О том, что бабушки по материнской линии являются вторыми по популярности субъектами, использующими отпуск по уходу за ребенком, свидетельствуют результаты более ранних исследований. Исследование уральских ученых продемонстрировало, что родители чаще готовы делегировать право на использование декретного отпуска бабушке со стороны матери, а не отцу или дедушке ребенка – такую позицию высказали более половины респондентов. С одной стороны, женщины в большей степени доверяют своим матерям, поэтому чаще обращаются за их помощью. С другой стороны, традиционно именно бабушки, а не дедушки в большей степени вовлечены в процесс воспитания внуков, поскольку считается, что они обладают более глубокими знаниями и родительскими компетенциями [27, с. 129].

Мы попросили респондентов распределить объемы родительской нагрузки между членами семьи таким образом, чтобы в сумме получилось 100 %. В среднем почти 90 % нагрузки приходится на родителей ребенка. По оценкам опрошенных респондентов, общий вклад бабушек и дедушек в реализацию родительских функций составляет около 9 %. Участие в процессе ухода за детьми других субъектов (иных родственни-

Таблица 2 — Распределение объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком, %

Table 2 — Distribution of parental and domestic workload between the subjects of parental labor during parental leave, %

Член семьи	Доля респондентов, указавших ненулевой объем нагрузки, %	Доля, %			
		средн.	мин.	макс.	станд.-отклон.
Мать ребенка	99,4	67,90	70	100	17,28
Отец ребенка	95,2	20,83	20	100	12,56
Бабушки и дедушки	83,6	8,92	7	100	9,82
Другие родственники	31,6	2,01	0	100	5,05
Няня	4,4	0,34	0	35	2,06

Таблица 3 — Желаемое распределение объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком, %

Table 3 — Desired distribution of parental and domestic workload between the subjects of parental labor during parental leave, %

Член семьи	Доля респондентов, указавших ненулевой объем нагрузки, %	Доля, %			
		средн.	мин.	макс.	станд.-отклон.
Мать ребенка	99,8	50,76	50	100	13,24
Отец ребенка	97,9	33,07	30	100	10,44
Бабушки и дедушки	87,1	12,32	10	100	8,62
Другие родственники	32,0	2,52	0	30	4,70
Няня	12,6	1,33	0	40	4,39

ков и нянь) является незначительным. При этом к услугам нянь прибегают лишь 4,4 % семей. Напротив, помощь других родственников является более востребованной среди родителей – практически каждый третий респондент отметил их вклад (хоть и незначительный) в реализацию функций по уходу за детьми (табл. 2).

Мы попросили родителей представить идеальное распределение объемов родительской нагрузки между членами семьи. Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии потребности родителей в дополнительной помощи со стороны других родственников. Тем не менее почти 13 % опрошенных хотели бы делегировать няням часть родительской нагрузки (табл. 3). Половина из этих респондентов предпочли бы передать няням 10 % нагрузки, связанной с уходом за детьми, в период декретного отпуска.

Таблица 4 — Различия между фактическим и желаемым распределением объемов родительской и домашней нагрузки между субъектами родительского труда в период отпуска по уходу за ребенком

Table 4 — Differences between the actual and desired distribution of parental and domestic workloads between the subjects of parental labor during parental leave

Член семьи	Разница между ненулевой оценкой фактической нагрузки и ненулевой оценкой желаемой нагрузки субъектов родительского труда, %	Разница между фактическим и желаемым распределением нагрузки, %	
		в средних оценках	в медианных оценках
Мать ребенка	-0,4	-17,1	-20,0
Отец ребенка	+2,7	+12,2	+10,0
Бабушки и дедушки	+3,5	+3,4	+3,0
Другие родственники	+0,4	+0,5	0,0
Няня	+8,2	+1,0	0,0

Различия между фактическими и желаемыми объемами родительской и домашней нагрузки свидетельствуют о том, что российские родители стремятся к снижению материнской нагрузки и перераспределению части функций, возлагаемых на мать ребенка, среди других членов семьи. В первую очередь эта нагрузка должна быть делегирована отцу как второму родителю (в среднем на 12,2 % больше фактического участия). Также опрошенные родители демонстрируют потребность в более активном участии бабушек и дедушек в процессе воспитания детей (в среднем +3,5% к существующей нагрузке) и нянь (+8,2%) (таблица 4).

В ходе исследования было выявлено, что практически каждый третий родитель (37,6 %) не удовлетворен текущим распределением родительской нагрузки между членами семьи. Самая распространенная причина неудовлетворенности связана со слабым вовлечением отцов в процесс воспитания детей (рис. 1), другая ве-

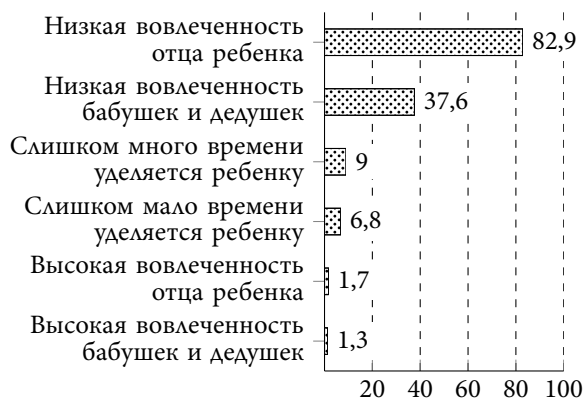


Рис. 1. Причины неудовлетворенности распределением родительской нагрузки (% от количества родителей, неудовлетворенных сложившейся нагрузкой)
Fig. 1. Reasons for dissatisfaction with the distribution of parental workload (% of the number of parents dissatisfied with the existing workload)

сомая популярная причина – низкая вовлеченность бабушек и дедушек в реализацию родительских функций.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что лишь в 5 % семей родительские функции выполняются преимущественно неродителями. Чаще всего им делегируются родительские функции, связанные с организацией досуга детей: например, чтение книг (4,6 %), занятия физкультурой (4,5 %) и посещение досуговых учреждений (4,1 %). Реже всего лечение (1,6 %), обучение (1,9 %) и гигиена (2 %) (рис. 2).

Несмотря на то, что каждый третий родитель, не удовлетворенный распределением родительской нагрузки между членами семьи, связывает это с низкой вовлеченностью бабушек и дедушек в процесс воспитания детей, идеальное

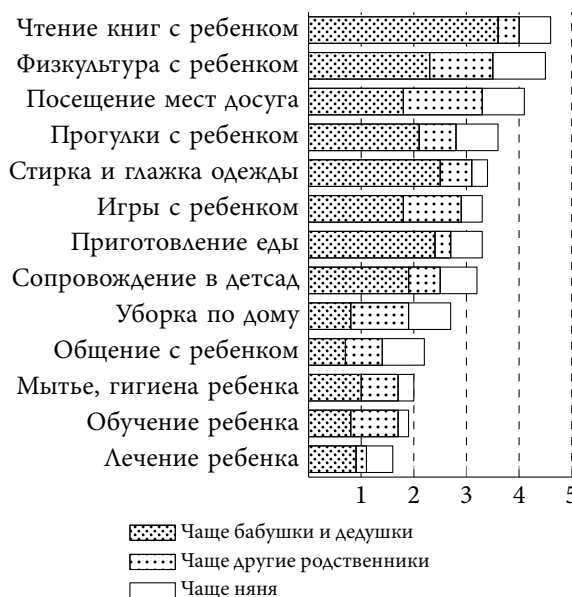


Рис. 2. Родительские функции, выполняемые преимущественно неродителями, %
Fig. 2. Parental functions performed mainly by non-parents, %

Таблица 5 — Степень согласия респондентов с высказываниями, касающихся участия неродителей в уходе и воспитания детей (1 – совершенно не согласен, 5 – совершенно согласен)

Table 5 — The degree of agreement of respondents with statements regarding the participation of non-parents in the care and upbringing of children (1 - completely disagree, 5 - completely agree)

Член семьи	Степень согласия с высказываниями			
	среднее	медиана	мода	стандартное отклонение
Если у семьи есть возможность, лучше воспользоваться услугами няни, а родители должны строить карьеру	2,29	2,00	2	1,121
Родители должны самостоятельно воспитывать ребенка, по возможности не привлекая для этого няню, поскольку она – это неродной ребенку человек	3,56	4,00	5	1,372
Бабушки и дедушки должны помогать с воспитанием ребенка, поскольку родителям тяжело справиться с этим самостоятельно	3,22	3,00	3	1,213
Родители не должны обращаться за помощью в воспитании детей к бабушкам и дедушкам, поскольку это их личная ответственность	2,73	3,00	3	1,271

распределение родительских функций в семье, по мнению родителей, должно быть направлено в сторону сокращения количества домашних и родительских обязанностей, которые в настоящее время реализуют неродители. В наибольшей степени это желание адресовано бабушкам и дедушкам детей, которые являются наиболее вовлеченными субъектами родительского труда после самих родителей. При этом незначительная часть родителей готова делегировать некоторые хозяйственно-бытовые функции (стирка и глажка одежды, приготовление еды, уборка по дому) другим субъектам – преимущественно няням (рис. 3).

На завершающем этапе респондентам было предложено оценить утверждения, связанные с вовлечением неродителей в процесс ухода за детьми. В целом, родители предпочитают самостоятельно воспитывать ребенка, не привлекая к этому процессу нянь. Опрошенные преимущественно не согласны с тем, что при наличии возможностей необходимо прибегать к услугам нянь. Скорее всего, родители не склонны делегировать часть родительских функций няням и бебиситтерам, поскольку считают их посторонними людьми, которые могут навредить ребенку. Гораздо больше доверия родители высказывают по отношению к дедушкам и бабушкам, чья помощь воспринимается, скорее, как устоявшаяся традиция (табл. 5).

■ **ОБСУЖДЕНИЕ**

Наши результаты показывают, что современные российские родители ограничивают делегирование родительского труда неродителям. Основной объем родительской нагрузки выполняется матерями, которые, будучи вовлеченными в реализацию семейных и профессиональных функций, могут испытывать трудности в одной из сфер.

Прослеживается потребность в более активном участии отцов в процессе воспитания детей в период отпуска по уходу за ребенком. Поскольку традиционно считается, что отцы обладают меньшим арсеналом родительских знаний и компетенций, нежели матери, их самостоятельный уход в отпуск по уходу за ребенком выглядит весьма затруднительным. В некоторых странах отцы и матери могут использовать родительский отпуск одновременно при условии, что пособие получает только один из родителей

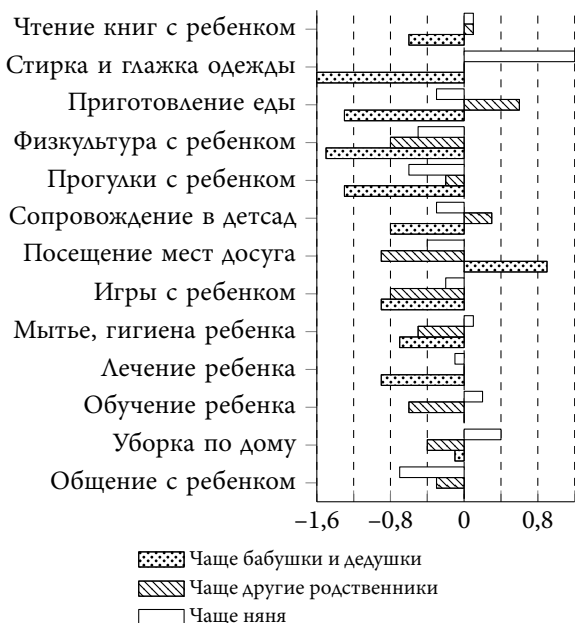


Рис. 3. Разница между оценками идеального и реального распределения родительских функций, выполняемых неродителями в период отпуска по уходу за ребенком, %

Fig. 3. The difference between the estimates of the ideal and actual distribution of parental functions performed by non-parents during parental leave, %

(например, в Швеции, Испании, Великобритании, Германии, Латвии, Польше и т.д.). В других странах родителям разрешается использовать только часть отпуска в одно и то же время (например, в Австралии, Австрии, Финляндии, Норвегии, Португалии). Возможно, практика использования родительского отпуска одновременно двумя субъектами (например, отцом и матерью или отцом и бабушкой ребенка и пр.) могла бы стать наиболее результативным механизмом вовлечения отцов в процесс воспитания детей в России.

Отметим, однако, что в зарубежных странах использование родительского отпуска бабушкой или дедушкой сильно ограничено – например, в Германии они могут уйти в декретный отпуск лишь в том случае, если родителю ребенка еще не исполнилось 18 лет или он продолжает обучение в вузе. По этой причине случаи использования отпуска одновременно отцом и одним из дедушек или бабушек в мировой практике практически отсутствуют. Между тем в нормативном закреплении подобного права видится большой потенциал. Во-первых, это снижает уровень материнской нагрузки и создает более благоприятные условия для совмещения профессиональных и домашних обязанностей. Во-вторых, отцы, ощущая поддержку со стороны дедушки или бабушки (вероятнее всего, бабушки), активнее вовлекаются в процесс воспитания ребенка и более уверенно участвуют в реализации родительских функций. Наконец, подобная мера соотносится с направлениями внутренней политики государства, которая нацелена на сохранение духовно-нравственных семейных ценностей² и укрепление межпоколенных взаимоотношений³. Таким образом, предлагаемая нами мера трансформации отпуска по уходу за ребенком соответствует отечественным правовым тенденциям развития традиционных семейных ценностей, поскольку способствует укреплению взаимосвязей между несколькими поколениями, сохранению и передаче духовно-нравственных и этических ценностей.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р.

По результатам нашего исследования, иные субъекты родительского труда (например, бабушки и дедушки), которые могли бы взять на себя часть родительских функций, в период отпуска по уходу за ребенком не рассматриваются родителями в качестве активных помощников. С одной стороны, это может быть обусловлено возрастом ребенка. Результаты предыдущих исследований демонстрируют, что активность дедушек и бабушек увеличивается по мере взросления внуков – с возрастом дети перестают испытывать потребность в постоянном присутствии матери и могут оставаться наедине с бабушками и дедушками [27, с. 144]. С другой стороны, их низкая вовлеченность в процесс воспитания детей может быть связана с возрастом самих бабушек и дедушек. По оценкам исследователей, женщина в России в среднем становится бабушкой в возрасте от 48 до 49 лет [там же] – в это время подавляющее большинство женщин еще работают. Стремясь сохранить свой уровень дохода, они могут отказываться от права на использование родительского отпуска. При этом бабушка со стороны матери является вторым по популярности (после матери) субъектом, которому родители были бы готовы делегировать право на декретный отпуск. Более того, результаты предыдущих исследований свидетельствуют о том, что родители хотели бы, чтобы бабушки и дедушки уделяли больше времени воспитанию внуков, поскольку они являются носителями ценного опыта и оказывают благоприятное воздействие на развитие детей [там же].

Согласно российскому законодательству, право на отпуск по уходу за ребенком имеют матери либо отцы, другие родственники, опекуны, фактически осуществляющие уход за ребенком, которые подлежат обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности (а также ряд лиц, перечисленных в ст. 13 Федерального закона № 81 «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»)⁴. Неработающие родственники, в том числе бабушки и дедушки, которые уже вышли на пенсию, могут использовать отпуск по уходу за ребенком только в крайних случаях, когда родители абсолютно не в состоянии заниматься уходом за детьми. По этой причине одной из возможных мер

⁴ О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон №81-ФЗ от 19.05.1995 г. (ред. от 21.11.2022).

могло бы стать внедрение декретного отпуска для неработающих бабушек и дедушек, которое бы, способствуя нивелированию конфликта между семьей и работой среди работающих родителей, было бы направлено на смягчение негативных демографических тенденций.

Другой возможный механизм стимулирования неродителей, участвующих в процессе воспитания детей, видится в компенсации их затрат, связанных с реализацией родительских функций, например, путем внедрения выплат за помощь по уходу за детьми для бабушек и дедушек. Подобная выплата может стать альтернативой заработной платы для бабушек и дедушек (особенно для тех, чьи внуки достигли возраста от 1,5 до 3 лет – именно в этот период усиливается прекаризация родительского труда).

Аналогичная мера в настоящее время действует в отношении неработающих граждан, которые осуществляют уход за инвалидами первой группы и престарелыми людьми старше 80 лет или младше 80 лет в случае такой необходимости. Они имеют право на получение специальной ежемесячной компенсационной выплаты. Выплата не распространяется на лиц, осуществляющих работу или иную деятельность, в период которой они подлежат обязательному пенсионному страхованию⁵. Иными словами, человек, осуществляющий уход, не может заниматься профессиональной деятельностью. Предлагаемая нами мера имеет схожий принцип реализации – ее целесообразно назначать только неработающим лицам (в нашем случае бабушкам и дедушкам), ухаживающим за нетрудоспособным гражданином (ребенком в возрасте до 3 лет).

Компенсация затрат может способствовать активизации участия бабушек и дедушек в процессе воспитания внуков в период до исполнения ими трех лет. Это именно тот период, когда дети, согласно российскому законодательству,

⁵ Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет : Постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343.

имеют право получать особый тип ухода, ради осуществления которого и предусматривается отпуск. Вовлечение бабушек и дедушек в реализацию родительских функций, в свою очередь, позволит снизить уровень конфликта, который испытывают родители, пытаясь совмещать профессиональную и семейную сферы.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной вывод исследования связан с разрывом между законодательно существующей возможностью матерям и отцам опираться на помощь неродителей в период, когда ребенку не исполнилось три года, и нерапространенностью этого явления в нашей стране. Для преодоления этого разрыва могут быть использованы механизмы информационной работы с населением. В последнее время в этом направлении в рамках государственной демографической политики делаются заметные шаги. Так, активно развивается информационный канал «Госуслуги для родителей», где в доступной форме родителям разъясняются их права и описываются алгоритмы действий. Наше исследование показало, что большинство родителей сегодня не готовы пользоваться помощью наемных работников, однако понимание вариативности выбора при принятии решений относительно использования права на отпуск по уходу за ребенком, осознание всех положительных и отрицательных следствий (экономических, психологических, социальных) такого решения, понимание возможностей гибкости выбора и его изменения, знание о законодательно разрешенной возможности смены родственников в период отпуска по уходу за ребенком – все это несет в себе определенный потенциал повышения вероятности принятия семьей новых репродуктивных решений. Дополнительный потенциал кроется в государственном регулировании родительских отпусков как меры демографической политики в сторону повышения ее гибкости и введения возможности использовать отпуск двумя членами семьи при сокращении его общей продолжительности. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ishizuka, P. (2021). The Motherhood Penalty in Context: Assessing Discrimination in a Polarized Labor Market. *Demography*, 58(4), 1275–1300. <https://doi.org/10.1215/00703370-9373587>.
2. Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 5. С. 150–167. DOI 10.21064/WinRS.2021.0.10. EDN RQREMU.
3. Остапчук С. В., Клещенко М. И. Взаимосвязь уровня удовлетворенности браком и эмоционального труда у женщин // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки*. 2019. № 15. С. 49–54. EDN SQCR7B.
4. DUVANDER, A.-Z., EYDAL, G. B., BRANDTH, B., GÍSLASON, I. V., LAMMI-TASKULA, J., & ROSTGAARD, T. (2019). Gender equality: Parental Leave design and evaluating its effects on fathers' participation. In P. Moss, A.-Z. Duvander, & A. Koslowski (Eds.) *Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions* (pp. 187–204). Policy Press. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447338772.003.0011>.
5. KOSLOWSKI, A., BLUM, S., DOBROTIĆ, I., KAUFMAN, G., & MOSS, P. (2022). *18th International Review of Leave Policies and Related Research*. <https://doi.org/10.18445/20220909-122329-0>.
6. Борисенко Ю. В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2018. Т. 24, С. 23–33. DOI 10.26516/2304-1226.2018.24.23. EDN XRTQXJ.
7. Груздев В. В., Груздева М. А., Ершов В. Н., Смирнов В. А. Семейные ценности и нормы, регулирующие семейные отношения // *Теория государства и права*. 2022. № 2 (27). С. 109–127. DOI 10.47905/MATGIP.2022.27.2.010. EDN FTFZXE.
8. Янак А. А. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2018. № 2 (50). С. 124–131. EDN XWPOOD.
9. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2023. Т. 9, № 1. С. 44–57. DOI 10.18255/2412-6519-2023-1-44-57. EDN QXYESH.
10. Ростовская Т. К., Егорычев А. М. Особенности межпоколенных взглядов на формирование представлений о семейных ролях // *ЦИТИСЭ*. 2022. № 1 (31). С. 170–186. DOI 10.15350/2409-7616.2022.1.14. EDN LPGBLA.
11. Батурина Н. В. Изменение представлений о гендерных ролях в семье (на примере Сибирского федерального университета) // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. Т. 11, № 3. С. 12 EDN JICAFL.
12. Белехова Г. В., Ивановская А. А. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 1. С. 209–222. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.11. EDN DOIXRG.
13. Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 3 (151). С. 239–260. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.14. EDN IFKQEX.
14. Ильвес Э. В. Родительский труд как феномен прекаризированной занятости // *Демографические процессы на постсоветском пространстве : сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием (Екатеринбург, 4-5 июня 2015 г.) / под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. С. 293–297. EDN UMEFNB.*
15. Черешова С. В. Мотивы субъекта родительского труда: теоретико-методологический аспект // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2017. Т. 8, № 12-1. С. 124–140. EDN YNZYSL.
16. Сивак Е. В. Установки интенсивного материнства и уберизация заботы о детях // *Психология семьи в современном мире : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 18-19 октября 2017 г.) / под ред. Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. Екатеринбург, 2017. С. 302–306. EDN YUMAIX.*
17. Романовская М. А. Социально-психологические типы мам детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (няней) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2016. № 1. С. 44–53. DOI 10.18384/2310-7235-2016-1-44-53. EDN VXKNTD.

18. Пшеничникова М. М. Родительский труд как объект экономического анализа // *Экономический анализ: теория и практика*. 2010. № 39 (204). С. 23–29. EDN **MWITSF**.

19. HERBST, C. M. (2013). The impact of non-parental child care on child development: Evidence from the summer participation. *Journal of Public Economics*, 105, 86–105. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.06.003>.

20. CLARKE-STEWART, A., & MINER, J. L. (2008). Child and Day Care, Effects of. In M. M. Haith, & J. B. Benson (Eds.) *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development* (pp. 268–278). <https://doi.org/10.1016/b978-012370877-9.00033-5>.

21. KUCAB, M., KEOWN-STONEMAN, C., BIRKEN, C., PERLMAN, M., & MAGUIRE, J. (2022). Centre-Based Child Care Attendance in Early Childhood and Growth in Later Childhood: A Prospective Cohort Study. *Current Developments in Nutrition*, 6(1), Article 1069. <https://doi.org/10.1093/cdn/nzac070.028>.

22. КЕМП, С. Л. (2007). Grandparent - grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 28, 855–881. <https://doi.org/10.1177/0192513X07299599>.

23. SARTI, R. (2010). Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, 46, 789–

802. <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>.

24. YUNRONG, L. (2017). The effects of formal and informal child care on the Mother's labor supply – Evidence from urban China. *China Economic Review*, 44, 227–240. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.04.011>.

25. КОЗЬМИНА Я. Я., СИВАК Е. В. Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. 18, № 4. С. 65–81. EDN **VKQMIN**.

26. ЗДРАВОМЫСЛОВА Е. А. Няни: коммерциализация заботы // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*: труды факультета политических наук и социологии. Вып. 17 / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. Роткирх, А. А. Темкиной. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2009. С. 94–136. EDN **XNGZQT**.

27. БАГИРОВА А. П., БЛЕДНОВА Н. Д., ВОРОШИЛОВА А. И., НЕШАТАЕВ А. В., САИТОВА Д. Г., ШМАРОВА И. В., ШУВАТ О. М. Прародительский труд как ресурс российской демографической политики: оценки, прогнозы, возможности реализации: монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. 210 с. EDN **TURSLM**.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Нешатаев Александр Васильевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.v.neshataev@urfu.ru. AuthorID: 1086139, ORCID: 0000-0002-0145-7841, ScopusID: 57215964054, ResearcherID: AAG-5745-2021.

Бледнова Наталья Дмитриевна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.d.blednova@urfu.ru. AuthorID: 1075000, ORCID: 0000-0001-5362-7905, ScopusID: 57222049071, ResearcherID: ABB-7517-2021.

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина — профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.p.bagirova@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013.

Статья поступила 16.05.2023; рецензия получена 21.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

DELEGATING PARENTAL RESPONSIBILITIES ON PARENTAL LEAVE: OPPORTUNITIES FOR TRANSFORMATION

A. V. Neshataev^a, N. D. Blednova^a, A. P. Bagirova^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. In recent decades, despite the introduction of new economic measures to support families with children, a steady decline in birth rate has been observed in Russia. According to the researchers, negative reproductive attitudes may stem from the highly likely conflict between family and work, which families face after childbirth. A Russian demographic policy measure to mitigate this conflict could be the parental leave regulation. Despite the fact that the Russian labor legislation guarantees parental leave not only for mothers, but also for fathers or other child's relatives, it is mothers, who most often use this right. Prolonged absence from labor market may cause difficulties for women on their returning to work. As a result, parents need to delegate parental functions to other subjects - grandparents, uncles and aunts, nannies or babysitters. The purpose of the research is to identify opportunities for parental leave system transformation as a demographic policy measure based on sociological assessments of delegating parental functions to non-parents during parental leave.

Materials and methods. The empirical basis of the research was a survey of parents whose families for that time had the right for parental leave. 1000 people living in different federal districts of Russia were surveyed.

Results. A rather weak parental functions implementation by other subjects was revealed until the child reaches the age of 1.5 years, with the need to increase the workload of grandparents during this period. Moreover, a need to delegate part of household functions to nannies and other child's relatives was identified.

Discussion. Applying several tools at a time can contribute to resolving the conflict between family and work among working parents - stimulating more active childcare involvement of non-parents (for example, introducing maternity leave for non-working grandparents or material compensation of their childcare costs), possibility to use childcare leave by two family members at the same time with a reduction in the leave period, active outreach efforts to inform population about the existing measures to support families with children.

KEYWORDS: parental leave, parental labor, subjects of parental labor, relatives, grandparents, baby-sitters, "family-work" conflict, family policy, demographic policy.

FUNDING: This work is supported by the Russian Science Foundation under grant No. 22-28-01847, <https://rscf.ru/project/22-28-01847/>.

FOR CITATION: Neshataev, A. V., Blednova, N. D., & Bagirova, A. P. (2023). Delegating parental responsibilities on parental leave: opportunities for transformation. *Management Issues*, 17(4), 54–67. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67.

REFERENCES

1. ISHIZUKA, P. (2021). The Motherhood Penalty in Context: Assessing Discrimination in a Polarized Labor Market. *Demography*, 58(4), 1275–1300. <https://doi.org/10.1215/00703370-9373587>.
2. BAGIROVA, A. P., & BLEDNova, N. D. (2021). Combination of professional and parental labor in assessments of Ural women: Objective and subjective barriers. *Woman in Russian Society*, (S), 150–167. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.0.10>.
3. OSTAPCHUK, S. V., & KLESHCHENOK, M. I. (2019). Relationship between marital satisfaction and emotional labor in women. *Herald of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences*, (15), 49–54. <https://elibrary.ru/sqcrtb>.

4. DUVANDER, A.-Z., EYDAL, G. B., BRANDTH, B., GÍSLASON, I. V., LAMMI-TASKULA, J., & ROSTGAARD, T. (2019). Gender equality: Parental Leave design and evaluating its effects on fathers' participation. In P. Moss, A.-Z. Duvander, & A. Koslowski (Eds.) *Parental Leave and Beyond: Recent International Developments, Current Issues and Future Directions* (pp. 187–204). Policy Press. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781447338772.003.0011>.
5. KOSŁOWSKI, A., BLUM, S., DOBROTIĆ, I., KAUFMAN, G., & MOSS, P. (2022). *18th International Review of Leave Policies and Related Research*. <https://doi.org/10.18445/20220909-122329-0>.
6. BORISENKO, YU. V. (2018). Specificity of value attitude towards paternity of children of engaged and non-engaged fathers. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology*, 24, 23–33. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.23>.
7. GRUZDEV, V. V., GRUZDEVA, M. L., ERSHOV, V. N., & SMIRNOV, V. A. (2022). Family values and norms regulating family relations. *Theory of State and Law*, (2), 109–127. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.27.2.010>.
8. YANAK, A. L. (2018). Father involvement in different types of families. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (2), 124–131. <https://elibrary.ru/xwpoood>.
9. KOZLOVA, N. N., & RASSADIN, S. V. (2023). Paternal communities in modern Russia: Discourses and practices. *Social'nye i Gumanitarnye Znania*, 9(1), 44–57. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2023-1-44-57>.
10. ROSTOVSKAYA, T. K., & EGORYCHEV, A. M. (2022). Features of intergenerational views for the formation of ideas about family roles. *CITISE*, (1), 170–186. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.1.14>.
11. BATURINA, N. V. (2020). Changes in the gender roles representation in family (the example of Siberian Federal University). *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*, 11(3), Article 12. <https://elibrary.ru/jicaf1>.
12. BELEKHOVA, G. V., & IVANOVSKAYA, A. L. (2022). Satisfaction with the work-life balance: Working women's view (regional aspect). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), 209–222. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.11>.
13. GOLEVA, M. A. (2019). The social significance of time in a family with children (on the example of large families). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 239–260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>.
14. ILVES, E. V. (2015). Parental labour as phenomenon of precarious employment. In A. I. Tatarkin, & A. I. Kuzmin (Eds.) *Demographic processes in the post-Soviet space* (pp. 293–297). Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/umefhb>.
15. CHERESHOVA, S. V. (2017). The motivation of the subject of parental labor: Theory and methodology. *Modern research of social problems (electronic scientific journal)*, 8(12-1), 124–140. <https://elibrary.ru/ynzysl>.
16. SIVAK, E. V. (2017). Intensive motherhood and uberization of childcare. In N. N. Vasyagina, & E. A. Kazaeva (Eds.) *Family psychology in the modern world* (pp. 302–306). <https://elibrary.ru/yumaix>.
17. ROMANOVSKAYA, M. A. (2016). Socio-psychological types of mothers bringing up children in families with a wage worker (a baby-sitter). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, (1), 44–53. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-1-44-53>.
18. PSHENICHNIKOVA, M. I. (2010). Parental labor as an object of economic analysis. *Economic Analysis: Theory and Practice*, (39), 23–29. <https://elibrary.ru/mwitsf>.
19. HERBST, C. M. (2013). The impact of non-parental child care on child development: Evidence from the summer participation. *Journal of Public Economics*, 105, 86–105. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.06.003>.
20. CLARKE-STEWART, A., & MINER, J. L. (2008). Child and Day Care, Effects of. In M. M. Haith, & J. B. Benson (Eds.) *Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development* (pp. 268–278). <https://doi.org/10.1016/b978-012370877-9.00033-5>.
21. KUCAB, M., KEOWN-STONEMAN, C., BIRKEN, C., PERLMAN, M., & MAGUIRE, J. (2022). Centre-Based Child Care Attendance in Early Childhood and Growth in Later Childhood: A Prospective Cohort Study. *Current Developments in Nutrition*, 6(1), Article 1069. <https://doi.org/10.1093/cdn/nzac070.028>.
22. KEMP, C. L. (2007). Grandparent - grandchild ties. Reflections on continuity and change across three generations. *Journal of Family Issues*, 28, 855–881. <https://doi.org/10.1177/0192513X07299599>.
23. SARTI, R. (2010). Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, 46, 789–802. <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>.
24. YUNRONG, L. (2017). The effects of formal and informal child care on the Mother's labor supply –

Evidence from urban China. *China Economic Review*, 44, 227–240. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.04.011>.

25. KOZMINA, YA. YA., & SIVAK, E. V. (2015). Does disagreement over child-rearing rules affect parental self-efficacy?. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 18(4), 65–81. <https://elibrary.ru/vkqmih>.

26. ZDRAVOMYSLOVA, E. A. (2009). Babysitters: the commercialization of care. In E. A. Zdravomyslova, A. Rotkirch, & A. A. Temkina (Eds.) *New way of life*

in modern Russia: gender studies of everyday life (pp. 94–136). European University at St. Petersburg. <https://elibrary.ru/xngzqt>.

27. BAGIROVA, A. P., BLEDNNOVA, N. D., VOROSHILOV, A. I., NESHATAEV, A. V., SAITOVA, D. G., SHMAROVA, I. V., & SHUBAT, O. M. (2022). *Ancestral labor as a resource for russian demographic policy: Estimates, forecasts, implementation possibilities*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. <https://elibrary.ru/turslm>.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr V. Neshataev – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *assistant of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.v.neshataev@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1086139, ORCID: 0000-0002-0145-7841, ScopusID: 57215964054, ResearcherID: AAG-5745-2021.

Natalya D. Blednova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *assistant of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); n.d.blednova@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1075000, ORCID: 0000-0001-5362-7905, ScopusID: 57222049071, ResearcherID: ABB-7517-2021.

Anna P. Bagirova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin — *professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration* (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.p.bagirova@urfu.ru. RSCI AuthorID: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013.

The article was submitted 05/16/2023; reviewed 06/21/2023; accepted for publication 06/28/2023.